

«ВЫПРЯМИЛА»

Я ее знала по экрану — задолго до того, как нежданная мировая слава обрушилась на нее. Она ходила среди нас не узнавая, неведомая, нося в себе никому не известное создание — свою Роль. Такую, которая выпадает один раз — и на всю жизнь.

Я искала ее три дня по всему Киеву. Я спускалась на Бессарабский рынок, бродила среди сладких запахов дорогого украинского сала, окриков дородных «капустниц» (чем-то они мне напоминали рыбных торговцев из «Белеев парус одинокий»), среди лукавых восточных людей, заполняющих все наши базары. Искала, бродя по подземным переходам Крещатика. И опять поднималась к Бессарабке: почему-то чудилось, что ее Мария Магазинник должна быть где-то здесь, среди мешков с фасолью и остро пахнущих вчерашним летом трав.

Мне дали какой-то телефон, но он молчал. Звонила в театр, и там довольно сердито ответили, что если я ее найду, то пусть скажу им, где она находится («Рая, надеюсь, я вам не повредила? Поверьте, у актеров — а уж сколько мне с ними пришлось иметь дело! — всегда какие-то неладки с администрацией. Но актеров надо прощать и актерам надо прощать. Они люди без кожи»).

Мне и дальше вдруг захотелось так же продолжать писать как бы мысленное письмо Раисе Недашковской — вот наконец имя и произнесено. Впрочем, теперь ее имя знают все — за фильм «Комиссар», за роль Марии она удостоена приза киносоюза «Ника», — и все это могли видеть по телевизору.

Но ведь она была и раньше, и это вечная проблема актера: как будто не было человека, и вот он возник снова: дикость какая-то! А впрочем, мы ко всему этому, и к ее прошлому, и к ее нынешнему, еще вернемся.

...А пока я продолжаю искать ее по всему Киеву, повторяю, у меня только три дня командировки, и цель командировки совсем другая. А Недашковскую я ищу по собственному почину.

И вот однажды мне ее находят, и она звонит. Звонит и говорит, что придет прямо сейчас — хотя и очень занята, должна идти в гости не то к родне, не то к друзьям. А я говорю ей, что и у меня тоже всего лишь два часа до поезда в Москву. И, как всегда, перед поездом — десяток дел. («Вы простили меня уже, Рая, что говорила с вами как-то странно, на чмодаках, хватая и бросая в сумку то одну вещь, то другую, и без конца вдруг звонил телефон в номере, который, вы мне не поверите, глухо молчал все три дня, а тут буквально сошел с ума, звонили со студии, из киносоюза, кто-то должен был при-

нести какие-то фотографии, кто-то что-то передать в Москву, кто-то просто поглядеть перед отъездом, а внизу уже стояла машина»).

Но все-таки сначала расскажу, как я вас увидела в коридоре гостиницы «Украина». Вы шли по лестнице стремительно и как-то властно-отрешенно. Я пошла следом, я еще не знала, что это вы, но было некое предощущение. Вот так мы и шли длинными-предлинными коридорами гостиницы «Украина», что на бульваре Сакаганского: вы впереди, а я за вами, думая про себя — неужели это все-таки она, Раиса Недашковская?

И вдруг — о чудо! Она, стройная, какая-то немножко несегодняшняя, не от мира сего, подходит к столику дежурной по этажу и спрашивает мой (!) номер. И я наконец вижу: она! И сразу ошарашиваю ее: «А я почему-то была уверена, что вы пополнили! Иду за вами и думаю, вроде бы она — и не она?» Она в ужасе — мне: «Пополнила? Почему пополнила?» И тут я ей рассказываю историю про какой-то фильм, где она точно мне почудилась, я начинаю ей рассказывать, какой фильм, про что. «Да нет же! — уже сердито и даже почти возмущенно отвечает она. — Да не играла же я в этом фильме...».

А потом вдруг она начинает плакать. («Рая, здесь вы снова простите меня, если я в чем-то покажусь вам бестактной. Ох, как трудно все-таки с актерами!»). Просто я почему-то упомянула имя Ивана Миколайчука, и как меня поразило, когда я увидела его изображение не то в гипсе, не то в мраморе в Киевском доме кино: ведь вчера еще, кажется, был жив, и критики еще спорили о его фильмах, о «Вавилоне-XX» и других, а сегодня его уже нет с нами. Такой еще полный сил, он ушел от нас. Но, впрочем, так же, как ушел Леонид Быков, которого все мы хорошо знали и о фильмах которого тоже спорили при жизни; а его уже нет»).

И когда я упомянула имя Миколайчука, Недашковская заплакала: они учились вместе. Я никак не хочу вторгаться в самое сокровенное, но как без этого понять, как писать об актере, который творит не пером, не бумагой, не кистью и резцом, но только единственной данной ему силой — силой чувств?

И больше не скажу ни слова, но именно после этого я и стала сразу звать ее Раяй — и она как-то сразу согласилась, хотя, повторяю, виделись мы с ней первый раз в жизни.

...Она начала сниматься очень рано — чуть ли не в шестнадцать. Одной из первых ее картин была «Лесная песня» (по Лесе Украинке). Потом много работала с режиссером Виктором Ивченко. Хорошо, отчетливо помню две ее кар-

тины, самые на тот момент знаменитые — «Царскую невесту» и «Гадюку» (по Алексею Толстому). У меня до сих пор хранится номер «Советского экрана», на обложке — красивая Раиса Недашковская в меховой шубке, только что сыгравшая тогда в «Царской невесте» и сразу ставшая очень знаменитой. Взяли, конечно, за красоту. И еще, наверное, за талант присутствовать на экране в странном действии, именуемом «фильм-опера»: кто-то поет за кадром, а ты в кадре молча артикулируешь и играешь. Когда-то была туча таких довольно странных представлений — «Пиковая дама» с Олегом Стриженовым, «Евгений Онегин» с покойным уже Вадимом Медведевым, кумиром нашей киномолодости, «Юланта» с актрисой Н. Рудной. «Царская невеста» абсолютно из этого числа, пела Галина Олейниченко, играла Недашковская, что было оди-

наково плохо и для одной, и для другой. Теперь, когда выходят у нас на экраны оперы Дзеффирелли, Франческо Роззи («Кармен»), когда мы смотрим трансляции из «Ла Скала» или «Арена ди Верона» и нас не шокирует ни неповоротливый Паваротти в роли Рудольфа из «Богемы», ни величественно массивная Монсеррат Кабалье в «Норме», даже дико представить, что когда-то одну роль играла молодая и красивая Недашковская, а пела за нее другая — кстати, тоже красивая и отнюдь не старая женщина, ну да бог с ним. «Царская невеста» принесла очень большую популярность как раз Недашковской — по справедливости или нет, другой вопрос.

«Гадюка». Также знаменитый фильм в свое время: мы тогда очень любили этот рассказ. Гадюку играла Нинель Мышкова, а ее антипода — хищного и

красивого зверька, машинисточку большого начальника и соседку по коммуналке, воплощающую в себе всю пошлость мира, — эту роль совершенно неожиданно, острохарактерно сыграла Недашковская. Та самая, которую все числили в абсолютно голубых героинях. Недашковская показала «зубки».

И почти в то же время...

Ну что тут сказать?

И почти в то же время — да, уже в середине шестидесятых, начал сниматься «Комиссар». То есть было еще много ролей у актрисы, снялась она в небольшой роли и в «Вавилоне-XX» у Миколайчука. Но все это было предисторией в ее жизни, предисторией к Марии в «Комиссаре».

— Аскольдов, — вспоминает она, — увидел меня где-то в Одессе, и сразу увез на съемки фильма.

— Как складывались у вас отношения на съемочной площадке? Такие разные актеры, такие разные величины — Роман Быков, Мордюкова, да еще и Шукшин? Оператор очень интересный, Валерий Гинзбург, кстати, ведь тоже много работавший с Шукшиным?

— Да, да... Но вы спрашиваете, как складывались отношения. Мы как-то все жили группами. С Нонной Викторовной мы совсем не были знакомы и мало общались по ходу съемок...

— ?!

— Да. Но так ведь в кино бывает. Вместе в кадре — это еще не значит, вместе после. Нет, мы не были дружны тогда. Зато вы видели — да миллионы зрителей видели! — как она вскочила и закричала от восторга, когда назвали мою фамилию как победительницу «Ники» в Доме кино? Она плакала от радости, от счастья за меня. И это в тот момент, когда она сама, тоже выдвинутая на «Ник» вместе с Негодой и И. Саввиной, ее не получила. Я не знаю, догадывалась ли она об этом, знала ли заранее и как реагировала, но мы с ней сидели вместе. И когда она схватила меня в объятия, я... я не знаю, как сказать. Я поняла, что, наверное, вот это и есть великое братство актеров.

А тогда, на съемках, нет, мы не дружили, меня привез Аскольдов, я была как бы его находкой, его открытием и держалась все время подле него.

Это продолжается и сейчас. Мы очень дружим с Александром Яковлевичем. Он прожил трудную жизнь, ему и сейчас очень нелегко.

— Сейчас, когда он буквально завален премиями всех стран, общества, ассоциаций?

(Я сразу вспомнила, как мы были вместе с Аскольдовым в Граце и Вене, и как он всегда был в центре внимания. Мы все, вся делегация, только как бы ему аккомпанировали. А, впрочем, отчетливо понимала и понимаю сейчас, что он абсолютная «вещь в себе», понимаю, как нелегко жить на свете создателю одного-единственного фильма).

— Вот именно! Ему очень непросто жить. И половина, может быть, моего

семейного бюджета уходит на телефонные разговоры с Аскольдовым и с его женой. Звоню им я, звонят они мне. Я с ним немало поездила по свету. Мне даже удалось благодаря славе «Комиссара» «вывезти» за границу свой моноспектакль по Гарсиа Лорке. Это мой самый любимый писатель.

И вообще — как вы знаете, после «Комиссара» я почти перестала, вернее, меня перестали снимать в кино. Одним словом, не было крупных работ. Почему? Ну вот, видите, вы даже и не спрашиваете. Потому что прекрасно знаете — сие от нас не зависит. И никто и никогда не ответит вам на проклятый вопрос, почему не снимается Гурченко, почему так преступно мало сыграла в кино Мордюкова, почему вообще погибло для искусства столько поистине выдающихся талантов — впрочем, вы сами об этом писали в «Советской культуре», актер, мол, не требуется, вы там и про меня писали. Так, заочно, мы с вами и познакомились.

Я нашла спасение в театре. Даже не знаю, что бы стала сейчас делать, если бы вовремя не поняла, что кино — это лотерея, прибежище «ловцов удач». И сейчас я мечтаю сыграть на сцене поэзию Шевченко, открыть его совсем с новой стороны: ведь по сути, чья его, не очень-то и помнят, а столько у него еще непознанного, непонятого. У меня сейчас по всем комнатам развешены эскизы шевченковских героинь...

Вот мы в нашем разговоре дошли и до театра — того самого, с которого начались в Киеве мои поиски Недашковской, Молодежного театра. Читатель, может быть, удивится, что я, в столь восторженных тонах рассказывая о Недашковской, не анализирую ее творчество, не разбираю ее работы, не оцениваю их с критической точки зрения.

Отвечу и на возможные возражения. Во-первых, это не критический разбор творчества Раисы Недашковской (что касается «Комиссара», то о нем можно говорить до бесконечности, но, как заметила сама актриса, я уже об этом писала, и о ее исполнении роли Марии, и писала не раз). Могла бы написать еще и еще, но лучше посоветую тем, кто видел, вспомнить, а тем, кто не видел, посмотреть фильм. Другие же роли в кино — увы, уже отошли в прошлое.

Повторяю, не анализом творчества собиралась здесь заниматься. А попытаться рассказать об одной — хотела сказать, несостоявшейся — нет, все-таки состоявшейся на зло всем силам актерской судьбы. Только о своем личном впечатлении.

Глеб Успенский когда-то написал «Выпрямил». Есть такое искусство, чтобы слоить, а есть — чтобы выпрямить.

Так вот, Мария, сыгранная Раисой Недашковской двадцать три года назад, — из этого ряда. Из ряда «выпрямил». И себя тоже — на всю оставшуюся жизнь.

Валентина ИВАНОВА